
Кристина Витина
ВОДОВОРОТ ВИКТОРИИ

Кристина Витина

Водоворот Виктории

«Автор»
2026

Витина К.

Водоворот Виктории / К. Витина — «Автор», 2026

Вода - моя стихия, справиться с ней не так легко, когда в твоей душе шторм ! Но у судьбы на всех свои планы! И теперь я тону в омуте его темных глаз...

© Витина К., 2026
© Автор, 2026

Кристина Витина
Водоворот Виктории

Кристина Витина

Водоворот сплетает тени в круг,

Тяжёлой рябью гладь дробит упрямо.

Здесь время замирает на мгновенье,

Чтоб рухнуть вниз, в бездонную пропасть.
Вращается спираль из пены и тьмы,

Срывая с берегов сухие травы.

Он шепчет тайны, скрытые веками,

И тянет вглубь, не обещая возврата.
Но где-то там, в кружении воды,

Мелькнёт просвет — как знак, как тихий отзвук.

Пусть мир кружится, рвётся и поёт —

Я выберу свой путь сквозь этот водоворот.

Пролог

МЫС ВЕТРОВ

Суета большого города осталась позади. Я вздохнула полной грудью и впервые за долгое время почувствовала, как плечи сами опускаются вниз, будто с них сняли что-то тяжёлое и невидимое. Отпуск. Наконец-то отпуск.

Его я решила провести там, где моя стихия в большом количестве. Только океан, много тепла и солнца. Ни знакомых лиц, ни расписаний, ни звонков, от которых хочется спрятаться под одеяло. Только я и вода.

Мой отец, Роман Тесс, в прошлом военный, и мама Эмма много путешествовали по долгу службы. Они знали места, которые не найдете в путеводителях. Рыбацкая деревушка на мысе Ветров была одним из таких мест. Мама описала её так: «Там нет ничего, кроме моря, запаха соли и тишины, которая лечит». Именно это мне и было нужно. Моральное восстановление перед свадьбой.

Свадьба. Я помолвлена с Пирсом Роквудсом. Мысли о свадьбе вызывали во мне не радость, а странную тупую тяжесть, как будто я несла куда-то воду в решете и знала, что рано или поздно всё вытечет, но всё равно шла.

Пирс был моим близким человеком. Прежде всего, другом. Это и тяготило меня больше всего. Он поддержал меня в самое трудное время, когда я не могла дышать, есть, спать, существовать. Когда Рей умер и мир стал плоским, как мокрый лист бумаги. Пирс сидел рядом. Молчал. Приносил чай. Не спрашивал «как ты», потому что знал, что я не отвечу. Он просто был.

И я сказала да. Не потому что любила. Потому что благодарность имеет свойство маскироваться под обязательство. Ты чувствуешь, что чем-то обязана, и обязанность со временем твердеет, превращается в обещание, а обещание надевает форму кольца с маленьким бриллиантом на левую руку.

Пирс давно был влюблён в меня. Я знала. Всегда знала. Он не говорил прямо, но его глаза говорили за него, и его руки, которые случайно касались моих чуть дольше, чем нужно, и его голос, который становился мягче, когда он произносил моё имя. Он предупреждал меня про Рея: «Он не тот, за кого себя выдаёт. Первый роман редко бывает последним». Он оказался прав. Но быть правым и быть честным, не одно и то же.

Я приняла его предложение. И сейчас, стоя на ветру, который дул с океана и пах солью и водорослями, я понимала, что жалею. Не о Пирсе. О себе. О том, что загнала себя в угол, из которого не вижу выхода. Свадьбу я оттягивала, находя причины: то работа, то переезд, то «мне нужно время». Пирс терпеливо ждал. Он умел ждать. В этом была его сила и, как я потом поняла, его ловушка.

Но хуже всего были сны.

Они вернулись месяц назад. Те самые, от которых я просыпалась с мокрой подушкой и ощущением, что кто-то зовёт меня откуда-то издалека. В снах я видела две луны. Одна висела низко, огромная, серебряная, почти касаясь горизонта. Другая, поменьше, с золотистым отливом, стояла выше, как будто наблюдала. Между ними тянулась тонкая нить света, и я знала, не понимала, а именно знала, что эта нить имеет ко мне какое-то отношение. Но просыпалась и не помнила, какое.

Сны выматывали. Я просыпалась уставшей, шла на работу уставшей, возвращалась уставшей. Моя сила, водная стихия, которая раньше пусть и слабо, но слушалась меня, перестала подчиняться. Вода в кране дёргалась, когда я злилась. Капли на окне собирались в странные узоры, когда я грустила. Однажды в ванной я подняла руку, чтобы убрать волосы с лица, и вода из ванны поднялась за рукой, как привязанная. Я отдёрнула руку. Вода упала. Но я успела почувствовать: она не нападала. Она тянулась. Ко мне.

Уровень три. Три тонкие черты на запястье, как царапины от кошки, которые никогда не заживали. Не много. По шкале от нуля до семи я была где-то между «обратите внимание» и «не представляет интереса». Три черты значили, что я стихийница, что сила у меня есть, но невелика. Что я могу чувствовать воду, иногда направлять, редко управлять. Что мне полагается пройти курсы контроля, которые я благополучно пропустила, потому что мне было страшно. Не воды. Себя.

И вот я здесь. На мысе Ветров, в деревушке, где дома лепились к скалам, как ракушки к корпусу корабля. Узкие улочки, пахнущие рыбой и хлебом. Старые лодки, лежащие на песке вверх днищами. Маяк на мысе, белый и облупленный, похожий на человека, который долго стоял под дождём и устал.

Я арендовала маленький дом почти на берегу. Хозяйка, загорелая женщина с руками, пахнущими укропом, вручила мне ключ и сказала: «Тут тихо. Только ветер шумит. И океан, когда злится». Я улыбнулась ей и подумала: океан не злится. Он просто бывает честным. А честность часто путают с яростью.

В домике пахло деревом и старыми полотенцами. Окно выходило на воду. Я открыла его, и ветер ворвался, как незваный гость, разметал бумаги на столе, закрутил штору. Я не стала закрывать. Пусть.

Я стояла у окна и смотрела на океан. Он был сегодня спокойным. Но я знала: спокойствие бывает обманчивым. Как улыбка человека, который держит что-то за спиной.

Кольцо на моей руке блеснуло в свете заката. Я посмотрела на него. Золотое, тонкое, с маленьким бриллиантом. Я не снимала его. Ни в душе, ни ночью, ни когда мыла посуду. Не потому что хотела носить. А потому что не могла снять. Каждый раз, когда я касалась его пальцами, что-то останавливало меня. Не страх. Не совесть. Что-то, чему я не знала названия.

За окном солнце садилось в океан, и вода стала цвета мёда и меди. Луна ещё не взошла.

Я закрыла окно. Ветер сопротивлялся секунду, будто не хотел уходить. Потом сдался.

Тишина. Только моё дыхание и далёкий, ровный гул прибоя. Я легла на узкую кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Усталость навалилась, тяжёлая, как мокрый песок.

«Отдохну, подумала я. Завтра начну разбираться. Завтра».

Но я обманывала себя, в глубине сознания я уже чувствовала, что завтра не будет спокойным.

Глава 1
ЗОВ

На второй день на мыс налетел шторм.

Я проснулась от того, что дом дрожал. Не сильно, как от землетрясения, а мелко, непрерывно. Ветер выл в щелях. Океан, вчера ещё спокойный и медный, стал чёрным. Волны поднимались и падали с таким грохотом, будто огромные камни сбрасывали с крыши в воду. Я лежала и слушала, как стёкла дребезжат в раме, и думала: хорошо, что я внутри, не снаружи.

Горячка началась к вечеру. Сначала озноб. Я натянула на себя два одеяла, но зубы стучали так, что я их не могла остановить. Потом жар. Лоб горел, руки были холодные. Я лежала между этими двумя крайностями, как между двумя течениями, и не могла понять, где я: в доме на мысе Ветров или где-то ещё, в месте, которое не имело названия.

Сны пришли не по одному, а толпой. Рей, живой, улыбающийся, с глазами цвета тёмного янтаря. Он говорил что-то, но слова таяли, не доходя. Потом отец, в форме, с лицом, которого я не видела месяцами. Он держал в руках бумагу и смотрел на меня так, будто хотел сказать что-то важное, но не мог. Потом Пирс. Его лицо плыло, как отражение в воде, которую кто-то тронул пальцем. Он улыбался, и улыбка была правильной, но за ней, как за тонким стеклом, что-то двигалось.

Потом снова Рей. Он стоял на берегу. За ним был океан, но не тот, что за окном. Другой. Тише, темнее, с двумя лунами в небе. Он протянул руку и сказал:

— Вспомни.

Я проснулась в поту, с сердцем, которое билось так, будто я бежала.

Три дня. Три дня горячки, бреда, снов, которые не отпускали. Я не ела, не пила, не выходила. Силы ушли, как вода из треснувшего стакана. Я не могла нормально спать, но не могла и не спать. Граница между явью и сном стёрлась, и я плавала между ними, как медуза, которую несёт течением.

Страхи вернулись. Те, которые я считала пережитыми. Страх перед водой, которая тянулась ко мне. Страх перед собой, перед силой, которая жила внутри и не знала, куда деться. Страх перед свадьбой, перед тем, что я скажу «да», и это «да» станет стеной, за которую я больше не выйду.

Я довела себя до отчаяния. Не намеренно. Просто не могла остановить мысли, а мысли вели в тёмные комнаты, откуда не было выхода.

На четвёртый день шторм стих. Не сразу, а как будто устал. Ветер ослаб, волны улеглись, океан стал ровным, серым, как мокрый бетон. Я лежала в постели, мокрая от пота, слабая, как

после болезни, и смотрела в потолок. Дом больше не дрожал. Тишина была такой плотной, что в ней можно было услышать собственное сердцебиение.

Мне нужно было выйти. Не для чего. Просто выйти. Почувствовать, что за дверью есть мир, и он не исчез.

Берег был пуст. Ветер ещё дул, но уже не рвал, а гладил. Песок был мокрый, плотный, испещрённый следами водорослей и мелких ракушек. Я шла босиком. Обувь осталась в доме, я не подумала надеть. Потому что ноги хотели чувствовать землю.

Океан был тихий. Не спокойный, а именно тихий, как человек после крика. Я шла вдоль линии прибоя, и волны лизали мне пятки, холодные и настойчивые, как пальцы. Болело всё. Тупо, глубоко, как ноет старый шрам перед дождём.

И тут я услышала.

Не ушами. Где-то глубже, внутри, в том месте, откуда приходит сила. Голос. Знакомый, тёплый, с хрипотцой, которую я узнала бы из тысячи.

Рей.

Я остановилась. Сердце ударило в рёбра так, что я отшатнулась. Поворот головы на звук, и мир сузился до одной точки.

Он стоял по пояс в воде. В белой рубашке, мокрой, прилипшей к телу, с волосами, слипшимися от соли. Лицо было такое же, как в последний раз, когда я его видела живым: тихое, ясное, с морщинками у глаз, которые появлялись, когда он улыбался. Он не улыбался. Он смотрел на меня. Прямо. Не в глаза, а дальше. Внутрь. В то место, где жила моя сила и мой страх.

— Виктория.

Моё имя в его голосе звучало так, как раньше, когда он будил меня утром: мягко, с вопросительной интонацией, будто спрашивал: «Ты здесь?»

Я хотела бежать. Каждая клетка тела кричала: «Уходи. Это не может быть правдой. Он мёртв. Он мёртв второй год». Но ноги шли вперёд. Не я их двигала. Они сами.

Шаг. Ещё шаг. Прибой лизнул мне щиколотки, и холод воды прошёл сквозь тело, как электрический разряд. Я посмотрела вниз. Вода была прозрачной, и в ней я видела свои ноги, бледные, с выступающими венами, и песок под ними, и мелких крабов, которые метнулись в стороны.

Ещё шаг. Вода до колен. Рей не двигался. Только смотрел. В глазах было что-то новое. Или старое, чего я раньше не замечала. Скорбь? Нет. Не скорбь. Зов.

Ещё шаг. Вода до бёдер. Она обхватила меня, тёплая и холодная одновременно, и я почувствовала, как моя сила внутри дёрнулась, как собака, которая рвётся с поводка. Но не наружу, не как взрыв. К воде. Она звала меня, и моя сила отвечала, и границы между мной и океаном начали таять.

Я стихийница. Пусть слабая, пусть неуч, пусть тройка, но я должна чувствовать воду. Должна ею управлять. Должна. Но из-за внутреннего конфликта, из-за того, что одна часть меня тянулась к Рею, а другая кричала «беги», происходило обратное. Не я управляла водой. Вода управляла мной.

Она текла сквозь меня. Не вокруг, а сквозь. Я чувствовала каждый поток, каждый ручеёк, каждую каплю, которая проходила через меня, как через фильтр, и несла с собой что-то. Информацию. Энергию. Память. Всё смешалось, и я стала потоком, который не мог остановиться.

Покой. Такой желанный, такой тёплый. Он манил, как мягкая постель после долгого дня. Инстинкт самосохранения, тот самый, который кричал «беги», отошёл на второй план. Я хотела остаться здесь. Хотела течь. Хотела раствориться.

Вода поднялась до груди. До подбородка. Я перестала чувствовать ноги. Рей был прямо передо мной, но его контур плыл, размывался, как акварельный рисунок под дождём. Я протянула руку, чтобы коснуться его, и вместо воздуха пальцы вошли в воду.

Вода наполнила лёгкие. Не резко, а мягко, как вдох, который не кончается. Я не закашлялась. Не задохнулась. Это было похоже на падение в тёплый снег, когда тело перестаёт сопротивляться и просто тонет, и тонет, и тонет.

И вдруг. Тёплые руки. Не Реи. Чужие, сильные, с мозолями на ладонях. Они обняли меня сзади, вытащили из воды, и я услышала, как кто-то закричал:

— Дыши!

Я не дышала.

Темнота.

Сознание вернулось резко, как свет после отключения. Я открыла глаза, вдохнула, и воздух вошёл в лёгкие с таким грохотом, будто я вынырнула с глубины десяти метров. Зрение прояснилось не сразу: сначала пятна, потом контуры, потом лица. Одно лицо. Незнакомое.

Мужчина сидел передо мной на корточках и смотрел. Не испуганно, а внимательно, будто искал что-то в моих глазах. Что-то, что подсказало бы ему, в порядке ли я.

Я села. Голова закружилась, но всего на секунду. Потом прошло. Осмотрелась.

Мы были в комнате. Небольшой, с низким потолком и стенами из тёплого дерева. Повсюду рыболовные снасти: удочки, сети, крючки, катушки, приспособления, названий которых я не знала. Пахло рыбой, солью и чем-то ещё. Чаем? Да, чаем. Где-то в углу стоял чайник, старый, медный, с пятном копоти на боку.

— Где я? — спросила я, больше себя, чем его, продолжая оглядываться.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, вглядываясь в меня, будто что-то выискивая.

Странно. Чувствовала я себя отлично. Не просто хорошо, а отлично, как будто проспала сутки и проснулась в правильном месте в правильное время. Тревоги не было. Отчаяния не было. И силы не было. Хотя рядом был океан, я его слышала, чувствовала, знала, что он там, за стеной. Но моя сила молчала. Впервые за долгое время внутри было тихо. Не пусто, а именно тихо, как в комнате, где выключили шумный прибор, и ты понимаешь, как громко он работал.

Мне показалось это нормальным. Я вымоталась за три дня. Стихия устала, как и я. Логично.

Потом я поняла другое. Передо мной сидел не просто спаситель. Точнее, не только спаситель. Что-то в его присутствии, в тишине, которая стояла вокруг, подсказывало: он не случайный прохожий, вытащивший девушку из воды.

— Всё хорошо, спасибо вам, — быстро проговорила я. — Это вы мне помогли? Простите, просто этот шторм…

Я затараторила, и, тараторя, разглядывала его. Высокий. Загорелый. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято, падают на лоб. Глаза тёмные, внимательные, с той спокойной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших принимать решения. Хорошо сложен. Привлекателен. Я отметила это так, как отмечают цвет неба, не думая, просто фиксируя.

В другой ситуации я бы не стала разглядывать мужчину. Но в этой, когда я только что чуть не утонула, когда сила молчала, а тело было спокойным и тёплым, что-то во мне было не так. Я списала это на стресс. На шок. На то, что организм после предельного напряжения выдал странную реакцию: не ужас, а покой. И в этом покое всё воспринималось ярче, острее, подробнее.

Я прикрыла глаза и подставила лицо солнечному лучу, который пробивался через маленькое окно. Мне ещё никогда не было так спокойно. Я откровенно наслаждалась этим, как наслаждаются теплом после мороза, когда не думаешь ни о чём, кроме того, как хорошо.

Он встал и пошёл к плите. Движения были уверенные, хозяйские. Он жил здесь. Это была его хижина. Я наблюдала за ним из-под опущенных ресниц и думала, что это странно: сидеть в чужой хижине, мокрой, слабой, и чувствовать себя так, будто я пришла домой.

— Деймон, — сказал он, ставя передо мной тарелку. — Деймон О'Кинули.

— Виктория, — ответила я. — Тесс.

Он кивнул, будто уже знал. Я не придала этому значения.

Он пригласил меня поужинать, после того как мой измученный организм объявил на всю хижину, что он безумно голоден. Желудок заурчал так громко, что я покраснела до корней волос. Как мне было неловко. Но Деймона это ничуть не смутило, а даже, как мне показалось, обрадовало. Он улыбнулся, не насмешливо, а тепло.

Он рассказал, что я спала всего пару часов. Мне показалось это странным. По ощущениям, я отсутствовала не меньше суток. Время в том, тёмном, водном месте текло иначе.

Он спросил, конечно, как я оказалась в воде. Я ответила: судорога. Он не поверил. Это было ясно по печальной улыбке, которую он спрятал за кружкой. Я не стала настаивать. Мне не хотелось касаться того, что произошло. Оно было позади. Я была жива. Самочувствие было отличным. Этого достаточно.

Свежепойманная рыба лежала на тарелке, золотистая, с хрустящей корочкой. Рядом лепёшки из печи, зелень, бутылка местного вина. Это был предел моих мечтаний в эти минуты. Я ела с таким удовольствием, что забыла обо всём.

— Вы рыбак? — спросила я, отпивая немного вина из кружки, после того как утолила голод. Я чувствовала себя довольной и расслабленной, как кошка на солнце.

— Да, можно и так сказать, — коротко ответил он.

Я вспомнила, что видела в хижине, помимо рыболовных снастей: спальный мешок, матрас, подушку, стопку книг и сумку с одеждой. Под навесом стол и стул, на котором я сидела, кухонная утварь, сумка-холодильник и лампа. Всё просто, функционально, ничего лишнего.

— А так вы, наверное, путешественник? — сделала предположение я.

Он отпил из своей кружки.

— И это верно. А вы местная? Или тоже путешествуете?

— Я тут на отдыхе. Но путешествовать приходилось, — я умолчала о родителях. Военные не сидят на одном месте, и это сразу вызывает вопросы, какие именно части, где служили, кем работали. Мне не хотелось отвечать. — Как-то умудрилась попасть даже на роскошное сафари, но оно превратилось в утончённую пытку. Мы застряли в болоте со всем снаряжением. Это было незабываемо.

Он засмеялся. Тихо, коротко, но засмеялся. И я вдруг поймала себя на том, что мне приятно его слушать. Не просто приятно, а как-то по-новому, как будто я слышу звук, которого давно не слышала и который мне нравился. Я замолчала, разглядывая его.

Передо мной был очень опытный и зрелый мужчина. Такие лица я привыкла видеть у людей, обладающих богатством и могуществом, или тем и другим вместе. Лицо, на котором спокойствие не маска, а естественное состояние. И в какой-то момент я поймала себя на мысли, что мне приятно смотреть на Деймона. Не «он красивый», а «мне приятно», и это было другое, более глубокое ощущение, от которого по телу прошла тёплая волна.

Слабый румянец окрасил мои щёки, когда я, очнувшись, поняла, что всё это время он с любопытством наблюдал за мной.

— Вы что-то сказали? — спросила я, надеясь, что он не читал мои мысли по лицу.

— Нет, ничего, — слегка улыбнувшись, поспешно ответил он.

— Что вы планируете делать дальше? Идти куда глаза глядят? Или есть определённый план? — спросила я, чтобы занять паузу.

— Похоже, вы тоже не прочь попутешествовать?

— Пожалуй. Возможно, это изменило бы меня. Простая жизнь на природе, — в моём голосе прозвучала печаль, которую я не успела спрятать.

— Вам хочется убежать от чего-то?

Я отпила немного вина, взглянула на него. Он сидел по-турецки на земле и спокойно жевал рыбу. Не давил, не допытывал. Просто спросил. И ждал.

Я поставила кружку на стол и медленно сказала:

— Вы правы. Я обеспокоена. Сбежала сюда, чтобы освободиться от этого гнетущего чувства. Но это так ужасно, когда сама себя не можешь понять. Вам когда-нибудь доводилось испытывать такое?

Он ответил не сразу, и я ощутила лёгкое волнение. Наверное, я производила странное впечатление: мокрая, голодная, с глазами, в которых три дня горячки оставили тени. Но от него не укрылось моё беспокойство, и он искренне улыбнулся так, что мне стало легче на душе. Хотя нет, не просто легче. Рядом с ним я чувствовала себя иначе. Почему-то я решила, что причина в нём.

— Не стоит так беспокоиться, — сказал он. — Это нормально. Видимо, тут замешан какой-то мужчина?

— Прежде всего, это касается меня, — поколебавшись мгновение, тихо ответила я. — Почему вы всегда воображаете, что женщины только о вас и думают?

— Не знаю. Говорят, именно поэтому земля вертится, — пожал плечами Деймон.

— Давайте сменим эту скучную тему. Не стоит портить впечатление от прекрасной еды.

— Согласен. О чём бы вам хотелось поговорить? — Он был сама учтивость. Мне стало интересно с ним, и я подыграла.

— Ну… Если бы я не оказалась на вашем пути, то как бы вы провели этот чудесный день? Ловили бы рыбу?

— Попозже, возможно. Но сейчас просто валялся бы с книжкой пару часов. Потом спустился бы к морю, поплавал с маской среди скал в поисках крабов. А вечером… — он замолчал на секунду, потом, пожав плечами, продолжил: — Что может быть лучше, чем слушать музыку в свете звёзд?

Я слушала его, как зачарованная. Не слова, а интонацию. Тёплую, ровную, с лёгкой хрипотцой, от которой по спине пробегали мурашки.

— Не хотите присоединиться ко мне? — спросил Деймон.

— Чтобы всё испортить?

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Вы можете только украсить.

— Поверьте, мне хорошо знакомо чувство, когда мечтаешь побыть в одиночестве. Но сейчас… — я замялась, отводя глаза.

— Сейчас позвольте себе делать то, что хотите, — просто сказал он.

И я поддалась. В другой ситуации я бы точно отказалась. Но почему-то не хотелось уходить от него сейчас. Я хотела узнать его получше.

— Расскажите, где вы уже успели побывать, — попросила я.

Мы сидели у костра под куполом звёздного неба, и только шум прибоя да потрескивание дров нарушало ночную тишину. Рыбаки вышли на ночной промысел, и в океане засверкали тысячи маленьких огоньков, как будто вода тоже усыпала звёздами.

Становилось прохладно, и Деймон протянул мне свой свитер. Такой огромный, что, поджав колени, я спряталась в него вся. Мои светлые волосы, спутанные ветром, рассыпались по плечам. Отблески костра играли на моём лице, и, наверное, я излучала какой-то внутренний свет, потому что Деймон смотрел на меня так, как смотрят на то, чего не хотят потерять.

Я подумала, что надолго запомню этот день. Даже если он станет единственным.

Мы плавали перед ужином, и тогда я увидела её. На его предплечье, от запястья до локтя, с внутренней стороны, шла красная линия. Тонкая, чёткая, как стрела, прочерченная на коже не татуировкой, а чем-то более глубоким. Метка. Я знала, что это. Не сразу, не в первый момент, но когда до меня дошло, я замерла в воде.

Блокатор. Носитель силы, которая подавляет чужие сверхспособности.

Всё встало на свои места. Вот почему моя сила молчала. Вот почему я чувствовала покой, которого не чувствовала уже месяцы. Вот почему рядом с ним тишина внутри была не пусто-

той, а теплом. Он не просто вытащил меня из воды. Его присутствие держало мою силу в узде, не давая ей ни буйствовать, ни паниковать.

Я вспомнила то, что знала с детства, то, что рассказывали в школе, коротко, без подробностей, как рассказывают о войне: чтобы знали, а не чтобы понимали.

Почти три тысячи лет назад на землю пришла «чума апокалипсиса». Не болезнь в привычном смысле, а что-то, что уничтожило почти всё живое. Выжили чуть меньше сотни людей. С иммунитетом. И среди них, или рядом с ними, или непонятно как связанные с ними, обнаружились двадцать восемь сверхлюдей. Сначала их не нашли. Кто-то из выживших случайно набрёл на лабораторию, спрятанную глубоко под землёй, где в стазисных капсулах лежали тела, которые не были ни живыми, ни мёртвыми. Правительство какой страны проводило эксперименты, уже никто не знал. Документы сгорели, названия стёрлись.

Я вспомнила, как в школе нам показывали фотографии тех капсул. Стекло, пыль, тела внутри. Нас тогда учили истории, а не сочувствию.

Остались только капсулы и люди внутри. Сверхи были разными. У одних сила была огромной, у других едва заметной. И среди них были блокираторы. Те, кто мог подавлять чужую силу, ставить щит, гасить всплески. Они объединились в клан, закрылись от посторонних и с течением времени стали чем-то вроде полиции для своего народа.

За эти века мир изменился. Сверхлюдей стало много, они перестали быть легендой, стали реальностью, с которой пришлось считаться. Научились определять уровень силы в подростковом возрасте, по шкале от нуля до семи. Ноль — нет силы. Семь — почти бог. У меня была тройка. Три черты на запястье, как штрих-код, который природа ставит при рождении, а общество считывает в четырнадцать лет.

Три. Не много. Но достаточно, чтобы мучить меня. Силой управлять водой я почти не пользовалась. Просто это добавляло мне немного уникальности, и всё. Я не училась, не ходила на курсы, не развивала контроль. Мне было страшно. Не воды, а того, что вода может сделать, если я потеряю себя. И вот теперь, рядом с блокатором, моя сила замолчала, и я впервые за долгое время дышала полной грудью.

Я удивлялась, почему сразу не подумала о блокаторе. Я встречалась уже с некоторыми из них и чувствовала подобное влияние на стихию. Но именно с Деймоном мне было комфортно. Может, потому что рядом с ним моя сила не буйствовала. А может, блокираторы отличаются по силе воздействия, и мне встречались слабые представители. Я подумала об этом мельком, решив, что, по сути, мне это не важно. Важно было то, что сейчас, в эту минуту, я чувствовала себя живой. Не выживающей, не справляющейся, а живой.

Я смотрела на Деймона, ожидая продолжения его рассказа о себе. Хотя мы болтали весь день, мне мало что удалось узнать о новом знакомом. Но я поняла главное: этот человек мог оставаться загадкой и при более длительном общении. Он не был замкнутым, но допускал в свои мысли лишь до определённого предела, и дальше этого предела стояла стена, вежливая и непробиваемая. Я сама додумала, что, скорее всего, он тоже в отпуске и работает на правительство, как и почти все блокаторы. Он этого не отрицал и не опровергал. Я постоянно ловила на себе его лукавые взгляды, но, как ни странно, они не раздражали меня.

Всё, что мне удалось выяснить о Деймоне О'Кинули: ему двадцать семь, он хорошо образован, любит путешествовать и вырос на севере.

— Угадайте, в таком месте, как это, или в городе? — спросил он.

— В таком, — подумав, ответила я. — Цивилизация не для вас.

— А вы бы, наверное, умерли от скуки в такой глуши?

— Полагаю, что так, — вздохнула я и отпила кофе из своей кружки. — Как можно жить без людей? Как вам это удаётся? Что заставило вас полюбить одиночество?

— Почему вы так решили?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Мне так кажется. И потом, вы сами сказали, что больше всего на свете любите путешествовать, а значит, не очень-то нуждаетесь в человеческом обществе.

— Вы не вполне правы. Мне нужны люди, — помолчав, возразил Деймон.

— Вы имеете в виду женщин?

— Время от времени, — его тёмные глаза остановились на мне.

— Но это просто физиология, — сказала я, — а не потребность души.

— Всё взаимосвязано. И когда такую потребность испытывают двое, то это становится чем-то большим. С вами никогда такого не случалось?

Я замялась и прикусила губу, потом развела руками и слабо, с грустью, улыбнулась.

— Я, наверное, не очень компетентна в этом вопросе, — пробормотала я и замолчала. Я выжидающе посмотрела на него, и мне почему-то была важна его реакция на это признание.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, чуть улыбнулся своим мыслям и спросил:

— Но не совсем неопытны?

— Нет.

Мы встретились взглядами. Я опустила ресницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.